

1. ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ ПИЛАТА

— *Что такое истина?*

— *Истина прежде всего
заключается в том, что у тебя
болит голова...*

Из беседы булгаковских героев

Знаменитый роман «Мастер и Маргарита», написанный М.А. Булгаковым еще в первой половине прошлого века, по сей день является одним из самых читаемых произведений, удивляя безудержной фантазией, глубиной психологического осмысления и, конечно, острой буффонадной сатирой. При всей занимательности современных глав романа его «библейская» часть остается до конца не понятой, а посему наиболее обсуждаемой. Версий на этот счет высказано множество и среди них немало неодобрительных. Начало отрицательным мнениям положил А. Булис, написавший послесловие к первой публикации романа в журнале «Москва». Он полагал, что «роман не свободен от ошибочных взглядов», а «в главах «Евангелия от Воланда» пародийно переосмысливается сюжет «Нового Завета» и пр. Не исключаю, что во времена советского атеистического разгула Булис был вынужден высказаться подобным образом, дабы помочь роману

увидеть свет. Так заставляет думать финал его статьи, где он восклицает: «Мастер и Маргарита» — выдающееся явление русской прозы».

Уверена, что идея романа намного глубже, чем шаржирование канонических книг. Чтобы приблизиться к пониманию авторского замысла, предлагаю начать с булгаковского Пилата.

В романе Пилат величает себя всадником Золотое Копье. Всадник — знатное римское сословие, своего рода элита¹. То, что прокуратор является всадником, характеризует его как «самого сильного мира сего».

Из новозаветных Евангелий известно, что во время суда Пилат трижды отказывался предать смерти Иисуса Христа, и, тем не менее, вынес смертный приговор. Понтий Пилат из «Евангелия от Воланда» активно не желает казнить Иешуа, но под воздействием обстоятельств вынужден вынести страшное решение. Этот факт является единственным совпадением, все остальные события лишь отдаленно напоминают канонический текст. И это закономерно: писатель не ставил задачу простого пересказа библейской истории. Скажу больше, в «Мастере и Маргарите» не Пилат, а Воланд задумал и воплотил казнь Иешуа. Здесь справедливым будет вопрос: каким образом он смог повернуть это мероприятие, если в главах романа, повествующих о Га-Ноцри, сатана отсутствует? Забегая вперед, отвечу: тайным образом. Точнее, Михаил Афанасьевич повествует о суде Пилата в полном соответствии с мистическим жанром, раскрывая «незримую» миссию сатаны в многочисленных пояснениях и подтекстах.

В начале 2-й главы Пилат начинает ощущать нагнетание чего-то тяжелого. Его тревога и испуг от ремарки к ремарке становятся все сильнее. Ниже по тексту замечаем, что описание поведения прокуратора нарочито противоречиво. К примеру, после того, как Крысобой ударил бичом Иешуа, повествуется не о страданиях побитого, а о муках Пилата: «Вспухшее веко (*Пилата*) приподнялось, подернутый дымкой страдания глаз уставился на арестованного. Другой глаз остался закрытым». Невольно создается впечатление, что пострадавшим оказался не подследственный, а судья. Хорошо знающие роман возражат и напомнят, что у прокуратора болит голова, отсюда его муки. Это справедливо, если писатель имел в виду обычное человеческое заболевание. Однако такая яркая характеристика, как ужасная боль в столь ответственный момент, по меньшей мере, отражает особую задумку автора, тем более, что ни в одном из Евангелий о гемикрании и помину нет. Допускаю, что заболевание придумано Булгаковым и внесено в сцену суда для того, чтобы ослабить «сильного» Пилата, а, проще говоря, он специально поставлен писателем в ситуацию, где самый «сильный мира сего» беспомощен.

Попробуем разобраться, что же это за болезнь, названная «непобедимой», болезнь, «от которой «нет средств, нет никакого спасения». Подсказку находим в сцене разговора с Каифой, который называет Пилата «губителем». Губитель — это емкое и образное слово, в библейском словаре употребляемое только в адрес сатаны. Неслучайно далее по тексту головная боль названа «адской», а жара в момент принятия решения о казни — «дьявольской» и «как в пекле». Замечу, что, вне зависимости от жары, Пилат испытывает сильнейший холод, напоминающий холод мертвого тела. Одновременно с этим читаем, что голос прокуратора становится «придушенным», он «сидел как каменный». Его человеческая улыбка замещается «оскалом», прокуратор по-звериному «скалит зубы» и к концу суда напоминает волка, попавшего в капкан. Глаза Пилата тоже несут в себе отпечаток влияния потусторонних сил, под воздействием которых они трансформируются, превращаясь из живых в загробные.

Известно, что в домашнем собрании книг Михаила Афанасьевича имелась «Ис-

¹ К примеру, всадником был Марк Туллий Цицерон.

Михаил БУЛГАКОВ

МАСТЕР И МАРГАРИТА

тория снашений человека к дьяволу» М.А. Орлова, которой писатель пользовался во время работы над романом. Опуская детали, отмечу, что основные признаки воздействия сверхъестественных сил на людей, рассмотренных в книге, в сцене суда писателем использованы многократно. Так, у Орлова развернуто описан принцип подселения к человеку нечистой души. Не менее подробно он внесен Булгаковым в Пилатовы муки и его последующее перерождение. Наиболее объемно эти изменения читаются в динамике взгляда Пилата: сначала его человеческий взгляд становится «воспаленным», затем «заплывает красными жилками», потом «взор становится бешеным» и с «дьявольскими искрами», «глаза как будто провалились». Эту косвенную параллель между прокуратором и «иностранным консультантом» писатель усиливает метафорами, которые одновременно касаются

и глаз Пилата, и глаз Воланда. У эlegantного незнакомца правый глаз «был мертв», а левый зеленый «то мерцал, то сверкал». У Пилата, после Воландовой обработки, глаза «мерцают», «сверкают», а впоследствии «мертвеют».

В изменении взгляда Пилата читается аллегория, где в неправильном взгляде нужно понимать позицию не света, но тьмы. Кстати, такого рода аллегория довольно часто встречается в книгах Нового Завета. Так, в «Деяниях Апостолов» читаем: «... открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу». (Деян. 26;18)

Словесному монологу Пилата не соответствуют, а иногда прямо противостоят его поступки. Так, допрашивая, Пилат произносит грозные слова, обличает, а местами откровенно запугивает Га-Ноцри, но вместе с этим «...послал в своем взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту». Помогая понять вынужденную двойственность Пилата, Булгаков обращает внимание читателя на его странные мысли: «Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные». В чем их странность? Попросту говоря, в том, что в поток Пилатовых дум писатель умышленно вклинивает чужие соображения. При этом автор замечает, что прокуратор сам не всегда понимает «свои мысли», и это удивительное и совершенно неестественное обстоятельство больше всего пугает его. В голове у Пилата все время сталкиваются два потока мыслей, исключаящих друг друга. Чужие мысли довольно агрессивные, они постепенно овладевают вначале мозгом Пилата, а затем телом и, как следствие, последующими действиями. Прокуратор, вернее, его оставшаяся непоработанной часть мозга, пытается понять происходящее и констатирует: «...ум уже не служит мне больше...». Выходит, что чужой ум заставил сделать Пилата то, что было противно его воле. Удивляться догадке о тайных манипуляциях Воланда не приходится, так как в беседе на Патриарших профессор сообщил Берлиозу и Бездомному: «...я лично присутствовал при всем этом. И на балконе был у Понтия Пилата, и в саду, когда он с Каифой разговаривал, и на помосте, но только тайно, инкогнито...» Невидимое присутствие сатаны закреплено автором в деталях, имеющих отношение к Пилату, многие из которых переходят из современных глав в библейские и обратно.

Одним из наиболее знаковых «кочующих» предметов является плащ: он обшая часть костюма Пилата и Воланда. У Пилата он белый с красным подбоем, у сатаны — черный с красным. Кровавый подбой плаща объединяет героев не только предметно, но и по смысловому подтексту. В 26-й главе, рассказывающей о вечере после казни, Пилат вновь ощущает присутствие рядом того, кто воздействует на него. Растревоженный, он пытается обнаружить невидимого врага: «Один раз он (*Пилат*) оглянулся и почему-то вздрогнул, бросив взгляд на пустое кресло, на спинке которого лежал плащ. Приближалась праздничная ночь, вечерние тени играли свою игру, и, вероятно, усталому прокуратору померещилось, что кто-то сидит в пустом кресле. Допустив малодушие — пошевелив плащ, прокуратор оставил его...» Присутствие Воланда почувствовал и чуткий Левий Матвей, приведенный Аффранием в покои Пилата: «Сядь, — молвил Пилат и указал на кресло. Левий недоверчиво поглядел на прокуратора, двинулся к креслу, испуганно покосился на золотые ручки и сел не в кресло, а рядом с ним, на пол». Левий не решился сесть в кресло, внешне стоящее пустым, но, судя по подтексту, заполненное духом зла.

Из вышесказанного получается, что булгаковский прокуратор был всего лишь жертвой, а точнее, орудием, инструментом для выполнения далеко идущего плана сатаны. О Воландовом плане речь пойдет ниже. Здесь же отмечу, что роман мастера не может носить иное название, как только — «Евангелие от Воланда».

Евангелие переводится с греческого как благая весть. Во имя спасения человечества Бог-Отец послал в мир Сына. Иисус Христос принес на землю благую весть. Он сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь». (Ин. 14:6) По мысли Булгакова, Воланд, подражая Богу-Отцу, посылает в мир своего сына — Иешуа; Га-Ноцри предлагает иную весть, которая не является ни благостью, ни спасением. «Благая» весть Иешуа — болезнь и следующая за ней гибель. Отсюда неслучайно последнее, что пришло Пилату в голову: «Погиб!..»

2. МИР ПЕРЕВЕРНУТЫЙ — МИР ВОЛАНДА

*— Никогда и ничего не просите!
Никогда и ничего...*

Воланд

*— Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам;
ибо всякий просящий получает...*

Спаситель (Мф. 7.7-8)

Латунский и иже с ним ошиблись, назвав «Евангелие от Воланда» «апологией Иисуса Христа», так как в Га-Ноцри найти детали биографии Христа почти не представляется возможным. У них разное место рождения, жительства, захоронения и возраст. По-разному описаны сцены восхождения на крест и снятия с креста. Не говоря уж о том, что у Га-Ноцри всего один ученик, и он не умер на кресте, а был заколот палачами и т.д. Все перечисленные несовпадения Иешуа с биографией Иисуса Христа имеют одну причину и подчинены авторской идее, которая носит апокалиптический характер.

Не последним отличием является несхожесть значений их имен. О смысле имени Иешуа Га-Ноцри написано немало, остановлюсь на решающем расхождении. Христос в переводе с греческого означает — помазанник, Мессия, по-простому, Спаситель. Га-Ноцри имеет массу переводов, но главное, что мессианский смысл в прозвище булгаковского героя отсутствует. Кстати сказать, имена героев «библейских» глав романа отличаются от евангельских: Каиафа — Каифа, Матфей — Матвей...

Одна буква, не велика разница, — подумает кто-то.

Да, всего одна буква, но в ней заключен код или прием, с помощью которого можно многое уяснить. Подобный прием зафиксирован ветхозаветным автором в истории Авраама из книги «Бытие». Когда Господь явился ему и заключил с ним завет, Он тут же изменил его имя, прибавив к последнему ровно одну букву. «Я — вот завет Мой с тобою: ты будешь отцом множества народов, и не будешь ты больше называться Авраамом, но будет тебе имя: Авраам, ибо я сделаю тебя отцом множества народов...» (Быт. 17. 4-5). Тогда же имя Сары стало — Сарра. Затем последовали известные события: 90-летняя Сарра понесла от 99-летнего Авраама и родила Исаака. И это не удивительно. Божественное слово, состоящее из божественных букв — это животворящий Логос...

Полагаю, что Булгаков воспользовался приемом, известным всякому, кто внимательно читал Библию, чтобы не только отделить литературных героев от исторических, но, в большей степени, помочь читателю понять суть придуманных им образов. Итак, Бог прибавил букву в имени Авраама, а булгаковский дьявол убирает букву или меняет имя вовсе, тем самым автор подводит читателя к мысли: мир сатаны — мир перевернутый. Он противоположен Божественному замыслу.

С рассказом об Аврааме соприкасается шарада, связанная с отцом Иешуа. Напомню, что родители Га-Ноцри неизвестны, один из них — сириец. Для чего же подобное уточнение могло понадобиться Булгакову? Следуя моей догадке о том, что построение образа Иешуа диаметрально противоположно образу Иисуса, могу предположить: сирийской национальностью писатель уточнил, что Иешуа не может быть Мессией, так как не является потомком рода Авраама, поскольку последний имел иную национальность. В христианской традиции Иисус Христос потому и признается Мессией, что, судя по родословной (Лк. 3: 23-38), ведет свою генеалогию через Авраама, а для Спасителя мира это было обязательным условием еще с ветхозаветных времен.

Здесь стоит отметить, что у Иешуа есть своего рода прототип, это Иисус из «Евангелия Льва Толстого». Конечно, сравнивать впрямую два столь разных образа трудно, но идеи так называемых «евангелий» схожи, а именно — оба повествуют не о Мессии-Спасителе мира, а об обычном человеке. Отсюда и по смыслу они заканчиваются одинаково — смертью Иисуса-Иешуа. Из своего «евангелия» Толстой вычеркнул все строфы о чудесах Спасителя, о светлом Воскресении, Вознесении. Он отрицал Христово непорочное зачатие и другие важнейшие события жизни Спасителя. По его мнению, они противоречат разумному пониманию. Допускаю, что Михаил Афанасьевич Булгаков, мягко говоря, был не согласен с религиозными воззрениями Льва Николаевича Толстого, причем настолько, что почти впрямую заимствовал толстовскую антимиессианскую идею образа Иисуса и «вложил» ее в «Евангелие от Воланда». Конечно, нельзя не отметить, что толстовский Иисус, а вслед за ним и Иешуа — люди хорошие и добрые. Вправду сказать, доброта Иешуа нарочита и граничит со здравым смыслом. Автором она умышленно доведена до абсурда: вероятно, именно подобной добротой устлана дорога в ад.

3. ОБЕЩАНИЕ ВОЛАНДА

— Ваш роман Вам принесет еще сюрпризы.

Воланд

Некоторые читатели считают Воланда справедливым и честным. А как можно думать иначе, если сразу по приезде в Москву он устроил веселый праздник в вальсе, дал шикарный бал и, главное, вернул из небытия «угаданный» мастером роман. За год до этого Воланд заботливо обеспечил мастера огромным выигры-

шем, а чтобы он не тридцать в поисках газеты с выигрышной таблицей, подкинул ее в корзину с грязным бельем. А еще принарядил мастера в «прекрасный серый костюм» и поселил в подвал, чтобы тому, кого назначил себе соавтором-медиумом, было удобнее слышать мысли, которые сатана нашептывал ему из преисподней. И, в довершение, он устроил мастеру встречу с любимой (предварительно заморочив ей голову, как в начале времен праматери Еве). Все это так, если читать роман Булгакова «по поверхности», не размышляя, зачем понадобилось писателю после Толстого сочинять еще один кастрированный вариант евангелия. Ответ на этот вопрос соприкасается с шарадой о возрасте Иешуа.

Когда впервые я задумалась над тем, почему Иешуа 27 лет, а не 33 года, то первое, пришедшее в голову: герою Булгакова 27 лет потому, что так захотела фантазия писателя, художественному образу не нужны документальные обоснования².

Спустя время я вспомнила про ошибку монаха Дионисия Малого. Известно, что в 535 году он вычислил дату рождения Христа, которую католическая церковь приняла как истинную. Позже выяснилось, что в его расчеты вкралась погрешность, из которой следует, что Христос родился в 3 году н.э. Сегодня существует много новых пересчетов начала летоисчисления и названы разные цифры-ошибки. А это значит, что все исчисления одновременно можно поставить под сомнение, и посему у Булгакова были все основания ввести любую дату рождения Иешуа.

Вопрос, однако, заключается в том, что в тексте романа одновременно присутствуют не одна, а сразу обе цифры: и 27, и 33. Цифра 33 введена в повествование косвенным образом. В начале второй главы читаем: «Ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...» Булгаков точно указывает месяц и число; если к ним прибавить день недели, то будет очень просто определить год. Из контекста следует, что дело было в пятницу. Напомню: лишь в пятницу возможны приготовления персонажей к праздничной субботе — иудейской пасхе. Иными словами, речь идет о 33-м годе нашей эры. Из вышеизложенного получается, что Иешуа казнили в 33 году по Р.Х., в возрасте двадцати семи лет. Что же несет в себе эта таинственная цифра 27? Полный и довольно простой ответ на эту загадку дает нам древний язык Библии. В ней часто цифры, помимо определенного значения или даже вне его, наряду с прямым лексическим, имеют мистический смысл³.

С уверенностью скажу: если Булгаков указывает точное число, то это может быть подсказка, где в цифре, безусловно, надо видеть и возраст героя, и нечто обобщенное, что может обозначать весь объем информации, измеряемой числом 27. Использование писателем условных библейских приемов по всему полотну романа позволяет расшифровать цифру как символ, определяющий суть деятельности литературного героя. Итак, кем же может быть Иешуа по сути?

Как известно, «Новый Завет», повествующий об Иисусе Христе, состоит из 27 богодуховных произведений. Последняя, двадцать седьмая книга — «Откровение Иоанна Богослова» или «Апокалипсис». Полагаю, что именно «Апокалипсис» и является ответом на шараду возраста Иешуа. В этой книге два героя — Христос и Антихрист, как, впрочем, и в романе «Мастер и Маргарита». В московских главах Воланд рассказывает об Иисусе, а в библейских — об Иешуа. Герой «Апокалипсиса» Антихрист, так же, как и Иешуа, вроде бы походит на Иисуса Христа, но, как говорит русская пословица, Федот, да не тот.

² Оговорюсь, что тогда я еще не догадывалась об апокалиптической идее булгаковского романа, и полагала, что Иешуа Га-Ноцри идентичен образу Иисуса Христа.

³ Самой известной является цифра 3. Бог предстает перед Авраамом в виде трех ангелов (Троица). Четыре означает совокупность: четыре евангелиста, четыре стороны света. 12 — символ цельности: в году 12 месяцев; день, как и ночь, состоит из 12 часов, 12 Апостолов, 12 колен Израилевых.

И последнее. Как и многих, меня всегда волновал вопрос о том, как определить приближение апокалиптических времен. На эту тему я прочитала много интересных размышлений, остановлюсь на одном. Иоанн Кронштадтский (кстати, его имя упомянуто в романе, и это не случайно — тут очередная булгаковская подсказка) считал, что пока «Благая весть» о Спасителе не распространится по всему миру, пока о ней не узнает самый последний человек, ожидать апокалипсис не стоит, так как Бог любит всех одинаково и не может оставить без надежды на спасение хотя бы одного человека, пусть даже не самого хорошего. Из этого может следовать, что сюрприз, который пообещал Воланд, заключается в тайной миссии сатаны, мастерски и остроумно придуманной Булгаковым. Если таинственный профессор, написавший фальшивое евангелие, распространит его в параллель к новозаветным Евангелиям, то часть человечества, предпочитающая Га-Ноцри Христу, стройными рядами пойдет в противоположную сторону от дороги Спасителя. Здесь стоит опять остановиться, так как дорога Иешуа на Лысую гору и впрямь лежит в стороне от крестного пути Иисуса Христа на Голгофу⁴. И в этом читается явный авторский намек, что отождествлять дорогу Иешуа Га-Ноцри с путем Иисуса Христа ошибочно. Это разные пути-дороги. Путь литературного антихриста Иешуа не может принести людям спасение, а только гибель, что, собственно, логично, ведь он герой, придуманный булгаковским сатаной.

Воланд, как и большинство подобных ему литературных предшественников, ядовит, коварен и хитер. Однако перед нами новые параметры зла, представленные в элегантном и даже благородном обличье. Писатель рисует своего героя крупными мазками и ставит перед ним задачу глобального масштаба, его дьявол — истинный князь тьмы, воплощающий безграничное мировое зло. Воланд лишний раз не шагнет и слова не молвит. Он притомился искушать людей по отдельности и задумал покончить с миром одним махом. Он явился в Москву не столько балы давать, сколько внедрять в людские умы, отравленные атеизмом, евангелие о добром Иешуа, проповедующем своего рода непротивление злу, поскольку практически зла нет, ведь, как говорил Иешуа, все люди хорошие. Судя по тому, как уважительно многие почитатели романа относятся к Воланду и его рассказу о Га-Ноцри, на сегодняшний день булгаковскому сатане эта каверза пока удалась.

Слава Богу, есть еще время, и мы можем перечитать и Новый Завет, и роман великого писателя, а главное — поразмышлять, по какому пути следует двигаться каждому из нас.

⁴ Проверено мною по карте древнего Иерусалима.